

Все оформление в доме Вячеслава Зайцева, вплоть до мелочей, — дизайн хозяина. Подвал не является подвалом в общепринятом смысле этого слова. Зеленая комната

МАРК ШТЕЙНЕС

не бросай». Я ответил: «Нет, конечно, как можно. Не волнуйся». Он потом жил с другой женщиной. Я помогал ему и похоронил его в 94-м. А все родственники на похороны смотрели только как на возможность на халяву напиться, больше их ничего не интересовало.

— Вы были единственным сыном своих родителей?

— Нет. Мои родители познакомились в народном театре. Отец был массовик-затейник в парке культуры — такой, знаете ли, первый парень на деревне. У него была куча поклонниц, и все они его обожали. А мама любила другого. Она была красивой женщиной, и отец ее соблазнил. Будучи удивительно скромным человеком, мама всю дальнейшую жизнь осталась верна своему «соблазнителю», хотя они даже не были расписаны с ним. И это при том, что сначала у нее родилась дочка, которая вскоре умерла, потом, в 33-м году, на свет появился мой брат Володька, и наконец в 38-м — я. Родители расписались, только когда отец

вернулся из лагерей. А до этого у меня была мамина фамилия — Кокулин.

Володя, мой брат, был замечательный парень — веселый, заводной, весь в отца. Но судьба распорядилась им жестоко. Вскоре после войны он в компании других ребят стащил велосипед. Его за это отправили в колонию. После возвращения он снова попался. На его приятеля «наехал» милиционер. Володька милиционера этого отдубасил, защищая друга. И потом, будучи человеком добрым и преданным, всю вину взял на себя. А друг смолчал. Брата осудили на 15 лет тюрьмы. Освободили его раньше, через 10 лет, за то, что работал хорошо. Но он вернулся совершенно чужим человеком. Жизнь его сломала. Все-таки 10 лет провести на лесоповале — это очень тяжело. Всю жизнь он завидовал мне, моему успеху. Володя — несчастный человек. Последние годы он работал на Ивановском механическом заводе. У нас с ним нет практически никаких контактов. Мы абсолютно разные люди. Встречаемся,

только когда я приезжаю в Иваново на какие-то совещания. Он приходит, чтобы сказать «здрасьте», я ему даю деньги, и мы расстаемся. Сейчас он почти инвалид, потому что поддает очень сильно. Жизнь как-то прошло мимо него. Хотя он человек семейный. У него есть внучка Маша, ей 15 лет. Редкая красавица, между прочим. Я хотел даже «вернуть» ее сюда, в Москву. Но, к сожалению, вся моя эйфория относительно этого совершенно дивного существа разбилась об издержки полученного ею воспитания.

— Так вас в основном «тянула» мама?

— Только она. Тяжело ей было. Полная нищета, убогая жизнь, боярышник ели, заячью капусту, очистки картофельные. Меня к себе частенько брали соседи, подкармливали кто как мог. Жили мы с мамой в 12-метровой комнатке в коммунальной двухкомнатной квартире. Мама работала в военном госпитале медсестрой, а после войны стала работать уборщицей, чтобы быть к детям поближе. В 6 часов утра вставала и мела семь

МАРК ШТЕЙНЕС

Подвальный коридор